

гом! в Доньон!» Обинье ответил: «С Богом! в Бастилию!» Принц прибыл ко двору и в благодарность за оказанные ему Агриппой д'Обинье услуги, за доставленную ему подмогу в пять тысяч человек, за истраченные шестнадцать тысяч экю, признанные как долг, подсчитанные и не выплаченные, за благие советы, вспоминая которые, он потом вздыхал в своей тюрьме, он заявил на тайном совещании, что Обинье — противник королевской власти и способен, пока будет жив, мешать королю править самодержавно.

Тот же принц надоумил герцога д'Эпернона прочесть «Трагические поэмы»; он привел строки из второй книги, как написанные о герцоге, и тот поклялся погубить автора; и действительно, с тех пор на жизнь Обинье неоднократно различным образом покушались.

Между тем герцог этот, горя нетерпением, появился под Ла-Рошелю. Попросив Обинье вооружиться, жители Ла-Рошели три раза заставляли его распускать и собирать свои войска в зависимости от ненадежных договоров с врагами, которые, наконец, выступили, когда в Майезэ оставалось только сто пятьдесят человек. Вдруг стало известно, что войска из Сентонжа появились в Мозэ. Узнав об этом и об уходе одного полка для дозора, Обинье с болью в сердце вынужден был позволить разграбить один из своих десяти приходов, не подвергавшихся бедствиям войны. Вследствие засухи в тот год местность больше не была островом. Итак, обнаружив, что сто телег, выстроенных в ряд, могут переехать болото, он не преминул явиться туда со всеми людьми, которыми располагал, а потом, делая вид, что ничего дурного не случилось, при появлении шести рот конницы, прибывших на квартиры в Курсон, он выставил напоказ на холме местных вооруженных крестьян, а сам в два часа дня на виду у неприятеля двинулся со своими ста пятьюдесятью людьми к Морвену, приказав им ехать сначала открыто, а достигнув деревни, скрыться за ней и обойти ее рысью, чтобы опять соединиться с арьсгардом; после этого Рео, командовавший войсками, продвигавшимися в эту местность, спешно уведомил герцога, что ему приходится иметь дело по крайней мере с восемью сотнями людей. При этом известии он получил подкрепление из четырех рот. Обнаружив жалкий страх врагов, Обинье заставил их покинуть квартиры, где они фуражировали, а, обследовав береговые позиции, на вторую ночь пошел отбить их. В дороге он узнал от людей герцога о соглашении, заключенном жителями Ла-Рошели.

Принесли ему это известие два дворянина; нагло назвавшись прийти обедать к нему в Доньон, они заговорили о ненависти герцога к хозяину дома; рассказали, как герцог во всеуслышание в присутствии пятисот дворян заявил, что если не сможет погубить Обинье другим способом, то пригласит его взглянуть на месте поединка на одну из добрых французских шпаг. Обинье ответил: «Я не так дурно воспитан,